

George Cheron (Los Angeles)

M. VOLOŠIN DURING THE 1920's: TWO LETTERS

Переписка большого художника - всегда ценный источник достоверных литературно-биографических сведений, поэтому так необходимы розыск, собирание и публикация писем Волошина.¹

In the November issue of the Soviet literary journal *Na postu* for 1923 an ominous article appeared about the poetry of the poet Maksimilian Vološin (1877-1932).² The article by one B.Tal' carried the threatening title "Poetičeskaja kontr-revoljucija v stichach M.Vološina" and the conclusion reached by Tal' concerning Vološin's work was equally denunciatory: Vološin's poetry was labelled counter-revolutionary to the point of being pro-monarchist. The aim of Tal's article was to discredit Vološin's collection of poetry *Stichi o terrore* which had been issued earlier in the year by the Writers' Publishing House in Berlin (Knigoizdatel'stvo pisatelej v Berline).³ Vološin, fearing for his personal well-being and property, quickly came out with a disclaimer in the journal *Krasnaja nov'* denying all responsibility for the publication of this collection.⁴ However, this act by Vološin did not put a stop to further critical attacks against himself, if anything they increased.⁵ Vološin acknowledged in a private letter to Tal' that his reputation had been damaged by Tal's accusation beyond repair: "...stat'i, vrode Vaše, naglucho zakryvajut dlja menja russkie izdanija i okončatel'no lišajut zarabotka".⁶ Till his death, nine years later, Vološin was unable to publish any more of his poetry.

Vološin in numerous poems of the post-revolutionary period described with impartiality the horrors of the Russian Revolution and the Civil War. From his residence at Koktebel' in the Crimea Vološin was able, with difficulty, to remain neutral and portray in his poetry a personal apocalyptic vision of the bloody events of the period, and at the same time drawing parallels to other historical periods. Vološin stubbornly resolved to remain nonaligned in relationship to the Bolsheviks and the Whites.⁷ This total neutrality on Vološin's part was completely reflected in his verse. Vološin was frequently accused by both sides of partisanship: the Whites perceived him as having Bolshevik leanings and the Bolsheviks viewed him as a bourgeois poet with monarchist sympathies. This dual ambiguity led to misunderstandings in matters concerning the publication of his poetry. In 1919 his book of poems about the Revolution *Demony gluchonemye* was to be issued by both sides as Vološin narrates in a letter of that year:

Пишу стихи исключительно на современные темы - о России и о революции. Как всегда, все, что бывает со мной, оказывается парадоксально: мои стихи одинаково нравятся и большевикам и добровольцам. Моя первая книга "Демоны глухонемые" вышла в январе 1919, в Харькове, и была немедленно распространена

большевистским Центагом. А второе ее издание готовится издавать Добровольческий Осваг. Из этого ты можешь видеть, что я стою действительно над партиями.⁸

Due to the excessive popularity of Vološin's poetry many unauthorized publications of it began to appear in journals and newspapers.⁹ In order to stem the tide of this illegal printing, Vološin in 1920 gave his friend Prince Aleksandr K. Šerbašidze (1867-1968), who was leaving for London, power of attorney to publish his verse in London and to foresee any future translations of it.¹⁰ The collection in question was to be called "Plamena: voina i revoljucija" and to be consisted of three parts "Armagedon", "Demony gluchonemye", and "Neopalmaja kupina".¹¹ Unfortunately, nothing came of this plan and two years later Vološin gave another power of attorney to A.S.Jaščenko (1877-1934) the publisher of the Berlin-based bibliographical journal *Novaja russkaja kniga*, to publish his work.¹² Jaščenko arranged to have two collections of Vološin's poetry to be issued in June 1923 in Berlin: *Demony gluchonemye* and *Stichi o terrore*.¹³ Both volumes contained poems from the earlier collection "Plamena", as well as new verse. Since *Demony gluchonemye* had been issued previously by the Soviets in Char'kov in 1919 and the second edition was merely a reprint - no objections were raised to its reissue. However, Vološin's "tamizdat" book of poetry *Stichi o terrore* did not meet official approval and hence was viciously condemned by the official party literary apparatus. As a result Vološin the poet simply ceased to exist.

The two letters that follow mirror these events and are published with the permission of Columbia University.¹⁴ The letters are located among the Aleksandr Konstantin Shervashidze papers at the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Butler Library, Columbia University.

Notes

- 1 K.N. Suvorova, "Moj dom otkryt (Pis'mo M.A. Vološina k L.P. Grossmanu)", in *Vstreči s prošlым*, vypusk 5, Moscow 1984, 219.
- 2 B.Tal', "Poétičeskaja kontr-revoljucija v stichach M.Vološina", *Na postu*, No. 4 (nojabr'), 1923, 151-164.
- 3 Another volume of Vološin's poetry was reissued by the same publishing house at this time: *Demony gluchonemye*.
- 4 M.Vološin, "Pis'mo v redakciju", *Krasnaja nov'*, No. 1, 1924, 312.
- 5 The journal *Na postu* attacked Vološin's rebuttal: B.Skuratov, "Koe-čto o "nezashlužennoj slave" Maksimiliana Vološina (Pis'mo v redakciju)", *Na postu*, No. 1, 1924, 297-300.
- 6 "Dver' otperta. Perestupi porog....", *Vremja i my*, No. 28, 1978, 208.
- 7 Vološin characterized his political stance as "stojat' nad schvatkoj". A Soviet critic has recently disparagingly referred to Vološin's independent stand as "abstract humanism", cf. I.Kuprijanov, *Sud'ba poéta*, Kiev 1978, 188.
- 8 (Letter to Ja.A. Glotov of 18 October 1919), *Vremja i my*, No. 28, 1978, 197.
- 9 In a letter of 1922 Vološin writes about the deplorable situation concerning the numerous unauthorized publications of his verse abroad:
Но пишу стихи и ничего не знаю об их судьбе: я столько раз посыпал их для печати. Но о судьбе их не знаю. Иногда их вижу напечатанными в неожиданных для меня изданиях и не знаю, как они туда попали. Мне передавали, что будто они печатаются часто в заграничных изданиях (L.Fleishman, R.Hughes, O.Raevsky-Hughes, *Russkij Berlin 1921-1923*, Paris 1983, 75).
- 10 A.K. Šervašidze (Čačba) was an artist who was associated with the World of Art movement. In 1920 Šervašidze was invited by the great impresario Sergej Djagilev to London, where Djagilev was busy staging one of his ballets. In time Šervašidze became one of the principal stage designers for Djagilev's Ballets Russes. For more information on Šervašidze see: N.N. Evreinov, *Original o portretistach*, Moscow 1922, 61-65; J.Bowlt, *Russian Stage Design: scenic innovation, 1900-1930*, Jackson (Mississippi) 1982, 268-270; L.Efimov, "Vozvraščenie", *Golos rodiny*, No. 28 (2588), 1987.
- 11 In a private letter dated September 10, 1920 Vološin speaks of this collection:
".. и все стихи мои, написанные за эти годы, отвечают только на текущие события. Я Вам посыпал их в письмах, а если они не дошли, то, вероятно, Вам их показывал и читал Шервашидзе, кого-

рому я дал полный экземпляр книги с просьбой и полномочиями издать ее в Париже или Лондоне" (*Vremja i my*, No. 28, 1978, 200).

- ¹² *Novaja russkaja kniga* published with Vološin's permission his poetic cycle "Usobica" in its pages: No. 2, 1923.
- ¹³ The editors of *Russkij Berlin 1921-1923* (69-80) have conclusively proved that Vološin without any reservation and full knowledge sanctioned the publication of both of these volumes in spite of later denials, which were intended as temporary measures of pacifying his critics.
- ¹⁴ Several excerpts of these letters were first published a number of years ago, cf. S. Makovskij, "K stichotvorenijam Maksimiliana Vološina", *Novyj žurnal*, No. 39, 1954, 133-135.

Письма Волошина Шервапидзе

No. 1

Воскресенье

5 апреля 1920

Коктебель.

Дорогой Александр Константинович,

Посылаю тебе текст моей книги "Пламена", которую ты согласился попытаться устроить в Лондоне у Сытина.¹ Очень и очень прошу о том же Наталью Ильинишину.² Мне очень важно ее издать за границей по двум причинам.

1. Невозможность издать ее полностью в России в ближайшие годы и желанье ее закрепить немедленно.

2. Необходимость заработка, хотя бы та сумма, которую я смогу за нее получить, и осталась бы, за невозможностью переправить ее в Россию, за границей (кто знает не придется ли и мне через некоторое время очутиться там самому).³

Я посылаю тебе полный текст, но текст не расположенный в надлежащем порядке, и прилагаю список стихов как они должны быть расположены. У меня не было ни времени (ни бумаги), чтобы переписать их как следует: поэтому прошу тебя прежде, чем сдавать в набор дать переписать на отдельных листиках как следует для печати и расположить в порядке списка.

Экземпляр "Демонов глухонемых" - один из трех которые я получил от издателя - я посылаю тебе. Он с моим портретом твоей работы. Но Краснов совершенно нелепо всадил его на обложку - вообще все издание в художественном отношении возмутительно, особенно потому, что в нем есть претензии на художественность и роскошь.⁴ Обрати внимание, что в "Пламенах" расположение стихов будет иное, чем в этой книге.

Теперь относительно условий издания. Гонорар - 25%. С валовой номинальной цены издания ли, что тоже самое с номинальной цены экземпляра.

В крайнем случае даю тебе право спустить до 20%. Гонорар должен быть уплачен целиком при сдаче рукописи и монетой той страны в которой будет издаваться.

Для меня должно быть сохранено 100 авторских экземпляров.

Издатель обязуется сделать издание в течении года со дня приобретения рукописи.

Против второго издания ничего не имею на тех же условиях.

Относительно пересылки денег: если ни ты, ни издатель не найдете достаточно верного пути или оказии переслать мне деньги (лучше всего фунтами), то ты все-таки получи их и перешли их моему другу Михаилу Осиповичу Цетлину.⁵ Париж. 91 Авеню Анри-Мартен (Paris. Avenue Henri-Martin). А я прилагаю ему письмо, которое перешли когда будешь в Лондоне, или завези сам если будешь в Париже. Цетлины очень милые люди и мои большие друзья. Ему легче будет найти оказию переслать мне деньги в Россию т. к. он связан и коммерческими и политическими путями с нею. Ведь если и большевики будут в Крыму,⁶ то коммерческие отношения пока будут открыты с Англией. Точно так же если эти деньги останутся у него мне легче будет его найти в Париже, ежели я сам попаду за границу.

Относительно же внешности книги - я вполне доверяю тебе и Наталье Ильинищне. А формат предпочитаю для стихов либо в 16 долю либо эльзевировский (как Лемеровские издания).

Мне бы очень хотелось видеть эту книгу переведенной на английский и французский языки, т. к. думаю, что именно теперь, как отображение того, что совершается в России она бы представила интерес.

Лирические стихи мои были в свое время переведены Цетлиным в сотрудничестве с Фонгенасом и издать их должен был Жорж Крас, но об судьбе их я не знаю теперь ничего. Для Англии у меня взял летом рукопись "Демонов Глухонемых" Вильямс,⁷ но что он сделал тоже не знаю.

Да, сведения для издателя: "Армагадон"⁸ был издан в России в количестве 300 экз., в 1916 г., а "Демоны Глухонемые" в 1919 в Харькове в колич. 1200 экз. И то и другое издание разошлось полностью. Сейчас в продаже не имеется ни одного экземпляра. В "Пламена" вошел ряд негде не напечатанных стихов, в частности весь отдел "Неопалимая Купина",⁹ кроме тех перенесенных из "Демонов". Ну, вот кажется все сведения, что необходимы.

Большое спасибо если устроишь это мне. Надеюсь еще увидать тебя в среду, когда вернусь в Феодосию. Если же ты к тому времени уедешь, то передай мой привет и все мои самые лучшие пожелания Наталье Ильинищне и Николаю Николаевичу.¹⁰

Максимилиан Волошин.

КОКТЕБЕЛЬ
(Феодосия)
СОБ. ДОМЪ.

6 апреля 1919 1920

Симъ довѣряю Князю Александру Константиновичу
Шервашидзе право на издание въ Англіи моей книги стиховъ
"Пламена" на слѣдующихъ условіяхъ:
1/Авторскій гонорарь за изданіе 25. 0/0 съ валовой иоми
нальной стоймости изданія долженъ быть уплачено Англійс
кой или французской монетой.
2/Гонорарь долженъ быть уплачено полностью при врученіи
рукописи и если не будетъ возможности переслать его не-
медленно мнѣ въ Крымъ, то довѣряю Князю Шервашидзе самому
получить его.
3/Сто авторскихъ экземпляровъ должно быть сохранено для
меня и при случаѣ переправлено съ вѣрной оказіей.

Кромѣ того симъ даю право Кн.Шервашидзе распоряжат
ся переводами этой книги на иностранный языки и ихъ изда
ніями.

Максимилианъ Волошинъ

Power of attorney from Vološin to Prince Šerbašidze

20-Х-1924

Дорогая Наталья Ильинищна, получил Ваши деньги и письмо и тотчас же передал их по назначению, удержав себе ранее данный червонец. Вести о Е.В.¹ благоприятные: будто бы она уже нашла себе работу. Девочка учится. А Туся собирается учиться. Деньги полученные раньше через Евр.² пошли на отправку детей. К сожалению, кроме чисто внешней помощи со стороны мне ничем не удалось помочь Е.В. Я очень был рад получить от Вас весточку. Письма из-за границы редки. Да и воздерживаешься невольно от переписки т. к. на окраинах ко всяким письмам относятся подозрительно и что может служить поводом к самым неприятным последствиям. Художественные традиции Коктебеля возобновились снова за последние годы и в еще больших размерах. Дом оставшийся за мной, я превратил в бесплатный дом отдыха - вернее художественную колонию.³ Прошлым летом у нас жило 200 человек, за это лето прошло 300. Таким образом дом становится одним из художественных центров России. Это очень утомительно, но дает громадное удовлетворение. В литературе меня очень травят и шельмуют.⁴ Это грозило бы самыми дурными последствиями, если бы у меня не было нескольких доброжелателей в правительственныех сферах.⁵ Но печататься мне почти невозможно. Материально существую никак - чудом, но чудо никогда не изменяет. Этой весной ездил на север - в Москву, Петербург. Радостно было повидать старых друзей. 10 лет!!⁶ Приветствовали меня очень. Но публично я не выступал из необходимости предосторожности. В Крыму до сих пор еще все более обострено, чем на севере. Но я все-таки ни за что не променяю своего уединения на суету Москвы и до сих пор еще у меня не было соблазна заграницы.⁷ Меня даже в Париж ни разу не тянуло. За эти годы я видел то, что не дано видеть каждому, и вынес мудрость, радость и старость. Физически чувствую себя очень постаревшим, духовно - созревшим. Здоровье стало сильно пошаливать после большой болезни 1921 года.⁸ Стихи мои, что печатаются за границей - печатаются без моего ведома, разрешения и оплаты.⁹ Все, что я писал, пишу и что замыслено - все нецензурно. И чем дальше, тем пуще. Рисую много акварелей. Они имеют успех на выставках.¹⁰ Но за последние годы никто ничего не покупает из художественных вещей (стражи налогов). Ляля Евреинова гостила у нас летом.¹¹ Мы с ней очень подружились. Она хорошая, энергичная, простая. Гораздо лучше чем кажется в СПБ. Н.Н.¹² видем очень мимоходом. Доходили ли до Вас вести о

том, что я женился? Вероятно, нет. Маруся¹³ унаследовала все традиции Пра¹⁴ - иногда это кажется почти чудом и очень много дает гостеприимства и уюта снова ожившему Коктебельскому Дому. Она хорошо знает Вас и А.К.¹⁵ по многим рассказам и шлет Вам привет.

До свидания. Крепко обнимаю и целую Алекс. Константиновича. Когда-то нам доведется снова встретиться... Как относятся ко мне и к моим стихам заграницей?¹⁶

MAX

Notes to the letters

Letter No. 1

- 1 I.D. Sytin (1851-1934). This famous pre-revolutionary publisher was abroad during this time negotiating for the Soviet government in the procurement of paper in order to alleviate the prevailing critical paper shortage in Soviet Russia, cf. I.D. Sytin, *Žizn' dlja knigi*, Moscow 1985, 302.
- 2 Natal'ja Il'inišna Butkovskaja - the second wife of Prince Šervašidze and later on the editor of the journal *Sovremennoe iskusstvo* in Paris.
- 3 In 1923 Vološin expressed his desire to visit the West: "..pokinut' Rossija ja ni za čto ne pokinu, no poechat' vzgljanut' na Zapad mne očen' chotelos' by" (*Novaja russkaja kniga*, No. 1, 1923).
- 4 The Char'kov poet P.B. Krasnov intended to publish Vološin's collection *Demony gluchonemye*, however he sold his rights to one L.K. Berman who issued a rather cheap edition in 1919 in an edition of 1500 copies; cf. V.Kupčenko, "Pri žizni Vološina · Al'manach bibliofila, vypusk XI, Moscow 1981, 242-243.
- 5 Michail Osipovič Cetlin (1882-1945) - a rich financier and benefactor of many literary endeavors. In pre-revolutionary Russia Cetlin founded his own publishing house ("Zerna") which issued his own books of poetry (pseudonym - Amari) and that of his friends, including a volume of Vološin's poetry in 1916. In emigration he helped to establish the Parisian literary journal *Sovremennye zapiski* (1920-1940) and in New York *Novyj žurnal* (1942).
- 6 This letter was written during the White occupation of the Crimea which lasted from June 23, 1919 to November 9, 1920.
- 7 A reference to the English journalist Harold Williams (?-1928), husband of the writer and old friend of Vološin's - Ariadna V.Tyrkova (1869-1962).
- 8 "Armagadon" - a section of Vološin's second book of verse *Anno Mundi Ardentis*, Moscow 1916. Vološin is mistaken as to the edition of this book, it was in fact an edition of 500 copies: cf. Kupčenko, op.cit., 241. Furthermore Vološin's figures for *Demony gluchonemye* are also off; see Kupčenko, 242-243.
- 9 "Neopalimaja Kupina" was later to develop into a full scale book of poetry, which remained unpublished. This planned book contained poems which were written between 1914 and 1924; thus it incorporated all the poems from "Plamena", *Demony gluchonemye*, and many poems from *Anno Mundi*

Ardentis and *Stichi o terrore*; cf. M. Vološin, *Stichotvoreniya i poemy v dvuch tomach*, Volume 1, Paris 1982, 475-521.

¹⁰ Nikolaj Nikolaevič Evreinov (1879-1953). This highly original theatrical director and playwright staged several of his plays with stage designs by Šervašidze in Sukhumi - the capital of Abkhazia in Georgia in 1919, see Bowlt, op.cit., 270.

Letter No. 2

¹ E.V.: Ekaterina Vladimirovna Vigond - the wife of N.A.Marks (1861-1921). Marks was a former general, scholar and an old friend of Vološin's, who was arrested by the Whites for collaboration with the Bolsheviks. It was only through Vološin's active intervention that Marks' life was saved. Vološin talks about his efforts on behalf of Marks in his recently published memoirs of this particular period in his life; see: S.Smeroff Lazinger, "Maksimilian Vološin: Vospominanija (April, 1932)", *Slavica Hierosolymitana*, V-VI, Jerusalem 1981, 501-521.

² Evt.: N.Evreinov.

³ In pre-revolutionary times Vološin's large house in Koktebel' had always served as a sort of vacation home for his large number of friends during the summer months. After the Revolution, Vološin turned his house over to the government by designating it as a free rest house (dom otzycha) for members of the intelligentsia. In spite of this action the local authorities tried time after time to take away the Koktebel' house from Vološin the "bourgeois poet". The Koktebel' rest home became a popular intellectual gathering place for writers, poets, artists and musicians, and it figures in many memoirs of the period. Vladimir Kupčenko talks about the more famous literary personages that visited Koktebel' before and after the Revolution in a recently-issued brochure: V.Kupčenko, *Ostrov Koktebel'*, Moscow 1981. Vološin composed a long poem about the artistic sanctuary at Koktebel' entitled "Dom poéta", cf. Vološin, op.cit., vol. 2, 93-98.

⁴ A reference to the persecution by the journal *Na postu*.

⁵ One of Vološin's protectors in government circles was L.B. Kamenev (1883-1936). It was to Kamenev that Vološin wrote a letter outlining the illegal repressions directed against himself by the local authorities: cf. "Pis'mo M.A.Vološina L.B.Kamenevu (1924)", *Pamjat'*, vol. 1, New York 1978, 298-301.

⁶ Vološin went to Moscow and Leningrad to personally talk to high-ranking government members about the fate of his house and about getting several of his books published. A.Lunačarskij, the Commissar of Education, placed Vološin's house under government protection in March 1924, thereby

effectively ending local threats and ensuring its livelihood, cf. Kuprijanov, op.cit., 223-224.

7 After the death of his mother in 1923 Vološin was given the opportunity to emigrate, but turned it down, cf. Kuprijanov, *ibid.*, 210.

8 Vološin in a published letter described his infirmity and convalescence:

"Летом 21 года я тяжело заболел. Шесть месяцев я пролежал в постели, шесть - пробыл в феодосийских санаториях, и еще шесть провел на грязях и электризациях (Саки, Севастополь), и только теперь, в декабре, вернулся в Феодосию и вот снова застрял на полдороге Коктебеля, захваченный длительным и тяжелым приступом астмы. Но все эти болезни и прикованность к постели не помешали мне жить полной духовной и волевой жизнью (*Novaja russkaja kniga*, No. 1, 1923).

Vološin was finally to die of asthma, first contracted in 1921.

9 Vološin is misrepresenting the facts here. He was indeed paid by the publisher of *Stichi o terrore* (see *Russkij Berlin*, 102). This was obviously a ruse to offset any further criticism in the official Soviet press.

10 Vološin was a master painter of water colors depicting the natural beauty of 'Koktebel'. These paintings are done in a style akin to that of the great Japanese masters of the school of Ukiyo-e (Hokusai, Hiroshige), and are often accompanied with verse inscriptions by Vološin. A representative selection are reproduced in the book *Maksimilian Volosin- chudožnik*, Moscow 1976.

11 See A.Kašina-Evreinova (wife of N.Evreinov), "Leto u Maksa Vološina", *Vozroždenie*, No. 42, 1955, 108-113.

12 N.N. = N.Evreinov.

13 Marusja: marija Stepanovna Zabolockaja (1887-1976) - Vološin's second wife, who managed to preserve the "Dom poëta" intact for 45 years after the death of her husband. Mark Popovskij has of late published a very sympathetic article about Marija Stepanovna in the journal *Grani* (No. 143, 1987, 117-166).

14 Pra - the nickname of Vološin's mother Elena Ottobal'dovna, who died on January 8, 1923.

15 A.K. Šervašidze.

16 Vološin was especially keen on being kept informed of his reputation abroad (i.e. in emigré circles) as evidenced in a letter of 1922:

"Последнее время я имел вести из-за границы. Там - в эмиграции - меня, оказывается, очень ценят: всюду перечитывают, цитируют, читают, обо мне читают лекции, называют единственным национальным поэтом, оставшимся после смерти Блока, и т.д., предла-

гают все возможности, чтобы выехать за границу" (Kuprijanov, op.cit., 210).

ILLUSTRATIONS

No. 1 Autograph to Genadij Panin from Vološin:

Я не сам ли выбрал час рождения
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод? ...

Максимилиан Волошин

1-VIII-1922

Симферополь.

The inscription is a fragment from the poem "Gotvnost'" published later in the collection *Stichi o terrore*, Berlin 1923, 19 (G.Panin collection, Connecticut).

No. 2 A rare poster advertising a benefit "Evening of Poetry" in Semferopol', where Vološin appeared and read his verse. This evening was written up in the local press: Jakov Tugendchol'd, "Na večere sovremennoj poézii", *Krasnyj Krym*, No. 121 (451), June 3, 1922 (Author's collection).

Чемагро Татару:

Ляте са те и бејдрум заја протегене,
Врши се ујаснило, објаснило и наподи,
Чијој пријатиљије макар и кршење
Собствене, овој се био? . . .

Манасија Радован

19¹/_{III} 92

Следеће

ТАТАРСКИЕ, АРМЯНСК.,
РУССКИЕ, МОСКОВСК.

ПОЭТЫ ГОЛОДАЮЩИМ

В СРЕДУ

Идите,

товарищи и граж-
дане, на

В СРЕДУ

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

устроиваемый Комитетом Выставки Художественности.

Весь сбор Ц. К.
Крымпомгола

На выставке бывш. Центро-
Показ Клуба, нижний этаж.
(Пушкинская улица).

Весь сбор Ц. К.
Крымпомгола

УЧАСТВУЮТ: т. т. Новицкий П. И. (Вступ. речь),
Татарские поэты: Чабан-Заде, Одабаш, Бектурэ.

Армянские поэты: Анопьян О. Я., Бабиан С. А.

Пролетарские поэты: Шнайдер Д., Павел Яковлев;

Московские поэты: Герцык А. К., Федорченко

Ф. З., Булдаев, А. И., Чурилин Тихон.

Волошин Максимилиян.

Голосе стихов:

“ЧАЛ” — Татарская
музыка

ХАЙТАРМА, Чабан-Давы и др.

Хофе, вино, восточные сладости. || Начало в 8 ч. в. || Организ. Тих. Чурилин.